

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМАН

Как и вообще в науке, процедура объяснения в сравнительно-историческом языкознании предполагает раскрытие связей между объясняемыми явлениями и другими явлениями, используемыми для объяснения первых, выполненное в форме умозаключения или сложного рассуждения [Кондаков, 1975, с. 403].

„Поиски причин идут от фактов к поиску родства между фактами и общими законами, которые могут быть выведены из этих отношений, и открытие этого родства составляет научное объяснение, которое может быть коротко определено как объяснение отдельных событий путем обращения к общим законам вместе с данными условиями, в которых законы проявляются, или объяснение законов путем обращения к еще более общим принципам [Caws, 1965, с. 91].

Очевидно, что те явления, ссылкой на которые нечто объясняется, должны быть хорошо познанными, поскольку объяснение достигает цели только в том случае, если оно включает движение мысли от известного к неизвестному.

В исторических науках изучаются и объясняются факты, непосредственно не наблюдаемые исследователями. Эти факты являются неповторимыми в том смысле, что их нельзя воссоздать в абсолютно идентичных условиях (поскольку „все уже изменилось“). Если прогресс в познании воспроизводимых фактов связан с совершенствованием техники наблюдения, то явления прошлого, даже если они и документированы современниками со всей доступной им полнотой, имеют некоторый предел достоверности и конкретизации. Следственный эксперимент, представляющий собой почти натуральную модель недавних событий, может дать дополнительные сведения о них, хотя никто не будет утверждать, что они тождественны самим событиям. В большинстве исторических наук, в том числе и в историческом языкознании, еще не научились моделировать события прошлого с такой степенью наглядности. „Историческая ситуация в принципе не может быть охвачена во всей своей полноте“ [Философск. энцикл., 1, с. 622] — в том, что касается возможности — невозможности полного объяснения анализируемых фактов.

Если теория вообще представляет собой символическую (не материальную) модель действительности [Философск. энцикл., 3, с. 433], то теория исторического явления оказывается как бы моделью вдвойне, т. е. это модель, основанная на фактах, которые сами по себе представлены обычно некоторой довольно грубой и приблизительной „моделью“ (сведений с ограниченной и застывшей глубиной конкретизации). Таким образом, качество и содержательность объяснения в исторической науке очень жестко зависит как от глубины познания тех фактов, которые используются для объяснения, так и от степени адекватности сведений о явлениях, подлежащих объяснению.

Среди исторических наук в лучшем положении находятся те, в которых можно опираться на повторяющиеся факты, поскольку „об истинно единичных событиях наука ничего сказать не может“ [Торп, цит. по: Мейен, 1980, с. 27]. Хотя совершенно очевидно, что любой факт истории любого языка уникален в строгом смысле слова, диахронисты давно уже научились обобщать исторические факты, находить единообразие, повторяемость или тождество во внешнем разнообразии.

Назовем прием, составляющий сущность такого обобщения, типизацией. Анализ работ по теории сравнительно-исторического языкознания показывает, что эксплицитно правила типизации не формулировались и методологические основы ее не рассматривались. Очевидно, типизация представляется приемом самоочевидным до такой степени, что вообще не осознается в качестве предварительного этапа исследования, хотя легко показать, и это будет сделано в дальнейшем, что она целиком и полностью основана на имплицитном использовании некоторых теоретических предпосылок.

Прежде чем представить в явном виде природу той базы (корпуса) хорошо известных фактов, на которые опираются диахронисты, объясняя исторические явления языка, и основания методики типизации исторических явлений, рассмотрим несколько подробнее сущность самого приема реконструкции.

Как показывает анализ, процедура реконструкции осуществляется путем применения четырех логических ходов или операций: 1) констатации; 2) конструирования; 3) динамизации и 4) объяснения.

Доказательство генетического родства языков происходит в результате констатации факта регулярных фонетических соответствий. Раскрытие механизма становления родственных языков предполагает:

а) первичную динамизацию или постановку знака \gtrsim между регулярно соотносящимися фонетическими или фонологическими единицами;

б) конструирование на основе фактов, добытых в результате первичной динамизации, синхронных срезов, т. е. набора системных отношений и правил сочетаемости единиц одного и того же уровня, а также правил построения единиц более высоких уровней из единиц более низких уровней;

в) вторичную динамизацию или установление отношений между сконструированными единицами разных синхронных срезов.

Наконец, объяснение является самостоятельной целью исследования при описании сущности механизмов изменений, обнаруженных в ходе (а–в), а также при изучении общих причин языковых изменений. На этом этапе содержательно интерпретируются реконструированные факты: выясняются причины своеобразия наблюдаемых регулярных соответствий; указываются возможные причины, обусловившие время развития и ареал распространения конкретных изменений; осуществляется построение метатеории, призванной раскрыть саму природу объясняющей способности приемов, составляющих сущность реконструкции.

Своеобразие соотношения операций 1–4 состоит в том, что, во-первых, констатация сама по себе является объяснением факта подобия языков, их „близости“, наличия в них „похожих по звучанию и близких по значению форм“, а во-вторых, моменты объяснения имплицитно присутствуют в операциях (а–в), и основаны они на использовании типологической информации [Чекмав, 1979, с. 8–19].

Таким образом, реконструкция вообще и отдельные ее моменты, в частности, независимо от их внешней логической формы, представляют собой объяснение определенных аспектов исторических явлений языка. Постановка знака \sim означает объяснение самого факта подобия языков; постановка знака \geq и формулировка утверждений типа $*t \geq d$ представляет собой озвончение (оглушение), является объяснением фонетической сущности данного перехода; системный анализ какого-либо изменения преследует цель — объяснение его внутренних причин, а дальнейший анализ изменений направлен на установление причин осуществления данного перехода на данном этапе развития языка, в определенное время и в определенном ареале.

Это далеко не тривиальные выводы, как может показаться на первый взгляд. В связи со сказанным становится очевидным, насколько важно для оценки надежности реконструкции понимать природу экспланаторных фактов, используемых в ходе реконструкции. Рассмотрим теперь этот вопрос подробнее.

Признание исторических состояний языка, предшествующих современному, также языком позволяет приписывать этим состояниям все свойства того явления действительности, которое мы называем (человеческим) Языком. Следовательно, незасвидетельствованные, реконструируемые стадии развития языка необходимо трактовать как живой язык. Это положение (1) лежит в основе сравнительно-исторического языкознания как науки, на что обычно не обращают внимания.

Древние письменные памятники разных языков как бы экспериментально подтверждают справедливость положения (1). Реконструкция прароманско-

го состояния, выполненная по данным современных романских языков, показала, что реконструированный таким образом праязык по крайней мере фонетически и лексически (но не синтаксически и морфологически) близок к засвидетельствованному латинскому [Hall, 1950, p. 6–27]; ср. также замечание Вяч. Вс. Иванова о том, что „праязыки в целом ряде случаев изучены гораздо лучше, чем отдельные древние языки, сохранившиеся во фрагментарных и часто плохо и в известной мере произвольно толкуемых надписях, собственных именах, глоссах отдельных авторов и т. п.“ [Иванов, 1980, с. 204].

Из положения (1) следует имплицитно принимаемое в историческом языкознании общее правило, согласно которому явления на реконструированных срезах должны объясняться так же, как и явления живых языков (2).

Так как представления о Языке составлены по данным живых языков, то объяснение явлений незасвидетельствованных состояний в принципе не может опираться на что-либо иное, кроме как на данные живых языков и теоретические представления о сущности Языка, которые основаны на них. Иными словами, корпус экспланаторных фактов в сравнительно-историческом языкознании состоит из наблюдаемых синхронных или хорошо засвидетельствованных исторических данных и теоретических обобщений, сформулированных на их основе (3).

Наблюдаемые синхронные явления составляют основу корпуса экспланаторных фактов (4). Он включает, по мере их веса и значимости в диахронических построениях:

- 1) явления родного языка;
- 2) явления близкородственных языков;
- 3) явления отдаленно родственных языков;
- 4) явления языков одного географического ареала;
- 5) явления языков соседних географических ареалов;
- 6) явления иных языков Земли.

Очевидно, чем лучше какие-либо данные известны исследователям и чем глубже они осмыслены теоретически, тем большей является их потенциальная экспланаторная значимость в диахронических рассуждениях (5). С этим связан и важный субъективный момент, часто определяющий качество диахронических построений. Каким бы образованным и начитанным ни был лингвист, он все равно не в одинаковой степени владеет всем материалом, даже находящимся в его поле зрения, тем более, что не все языки в одинаковой степени хорошо описаны (а лингвист часто не обладает необходимыми познаниями, чтобы понять это); кроме того, следует учесть, что обычно описания являются неполными, и неполнота описаний тем лучше интуитивно восполняется лингвистом, чем лучше он знает данный язык и чем типологически он ближе родному языку исследователя.

Сказанное в полной мере относится и к зафиксированным историческим данным, используемым в качестве экспланаторных, т. е. они тем более весомы, чем глубже осмыслены в языкознании и чем лучше лингвист их знает. Следует учитывать при этом, что чем более глубокой является древность зафиксированных исторических фактов, тем меньшей экспланаторной силой они обладают в диахроническом исследовании (6). Очень часто такого рода факты сами становятся понятными только после интерпретации их с точки зрения синхронических данных.

Приведенные рассуждения можно конкретизировать и уточнять, а также использовать в качестве оснований для формулировки некоторых методических рекомендаций; напр., из (4–6) следует, что увеличение объема типологических данных само по себе не обеспечивает корректности типологического построения. Но (и это самое главное) они позволяют сделать вывод: знания о Языке как наблюдаемом объекте представляют собой тот инструмент, с помощью которого исследуются прошлые состояния конкретных языков, и чем совершеннее этот инструмент, тем больше можно узнать об их прошлом.

Теперь рассмотрим основные требования к реконструкции, которая на каждом этапе своего построения является в том или ином смысле объяснением.

Очевидно, из (1) следует общий принцип типологического правдоподобия, понимаемый как требование реконструировать только такие синхронные срезы языка, которые обладают свойствами Языка. Если же реконструируемый срез обладает свойствами, неизвестными Языку, то данная реконструкция является или просто фантазией, или глоттогоническим построением, которое выходит за пределы компетенции сравнительно-исторического языкознания.

Частный принцип типологического правдоподобия формулируется как требование типологически обосновывать реконструкцию на каждом ее этапе. Действительно, любая операция, выполняемая в ходе реконструкции, содержит объяснение; если это так, то результаты их в принципе основаны на типологических данных, а приняв это, естественно приходим к частному принципу типологического правдоподобия.

Следует отметить, что, уже начиная со Шляхера, лингвисты с той или иной степенью последовательности придерживались принципа типологического правдоподобия, и слишком сложные реконструкции („громоздкие“ архетипы, „сложные“ звуки, „странные“ правила изменений) всегда воспринимались ими с определенной долей скепсиса. Вспомним в связи с этим, что когда число предполагаемых ларингальных в индоевропейском перевалило за три, то ларингальная гипотеза стала объектом острой критики [Polomé, 1965, p. 33–34]. В явном виде, хотя и в очень мягкой форме, принцип типологического правдоподобия был практически сформулирован Якобсоном, считавшим,

что „противоречия между реконструированным состоянием какого-либо языка и общими законами, которые устанавливает типология, делают реконструкцию сомнительной“ [Якобсон, 1963, с. 102]. Значение типологической корректировки особенно велико при глубоких или вторичных реконструкциях, осуществляемых на основании не наблюдаемых, а предварительно реконструированных фактов. Со всей очевидностью это проявилось при обсуждении гипотезы о стадии моновокализма в истории праиндоевропейского языка [Семереньи, 1980, с. 151]. Сторонники ее отчетливо понимали, что если среди живых языков не удастся найти ни одного монофонемного языка, то у них нет никаких шансов убедить своих оппонентов в необходимости считаться с этой гипотезой. Поэтому центр спора быстро переместился на обсуждение чисто синхронных проблем [Кумахов, 1973, с. 54–67]. Теперь, когда описан еще один язык, „претендующий“ на моновокализм [Nater, 1979], рассматриваемая гипотеза может быть признана типологически правдоподобной, что не означает, конечно, признания корректности и необходимости реконструкции стадии моновокализма в праиндоевропейском. Если же принять, что „до сих пор не удалось обнаружить ни одного языка, обладающего одним гласным“, то „можно, по-видимому, считать аксиомой, что индоевропейский праязык не мог обладать свойствами, которых нет ни у одного языка земли“ [Семереньи, 1980, с. 153–154].

Типологически неправдоподобные реконструкции чаще всего порождены стремлением лингвистов свести наблюдаемые многочисленные рефлексы какого-либо звука к одному звуку, игнорируя относительную хронологию явления, диалектное членение праязыка, а также возможные этапы его эволюции. Такого рода звуки описываются обычно как „средние“ и „промежуточные“ (напр., известные „средние между *e* и *э*“, „полумягкие“, „гласные неопределенного тембра“ и т.п.). Отметим также, что идею „естественности систем“ и „естественности правил“, развиваемую в рамках генеративной диахронической фонологии [Chomsky, Halle, 1968, р. 409], можно толковать как частный случай использования принципа типологического правдоподобия.

Заключение о частном типологическом правдоподобии – неправдоподобии выносится на основании учета данных корпуса экспланаторных фактов. Поскольку этот корпус не является полным и исчерпывающим, то и объем правдоподобных реконструкций не может считаться в настоящее время полностью установленным. Последнее означает, что в сравнительно-исторических исследованиях в принципе могут допускаться реконструкции, типологически неправдоподобные с точки зрения отдельных фактов, известных на сей день – ведь может оказаться, что аналогичные явления в живых языках еще не открыты.

Внешне это выглядит парадоксально — оказывается, принятие принципа типологического правдоподобия не означает полного и безоговорочного отказа от построения типологически неправдоподобных реконструкций! Но противоречие здесь не принципиальное, а обусловлено неполнотой и неабсолютной достоверностью корпуса экспланаторных данных. Кроме того, о Языке и языках нам известно неизмеримо больше того, что подлежит реконструированию, и поэтому вероятность построения корректной реконструкции, противоречащей сегодняшним знаниям, очень мала. Если же исследователь считает типологически неправдоподобную реконструкцию необходимой, то он должен понимать, что его предположение является гипотезой вдвойне, и без дальнейшего типологического обоснования оно не может считаться научным построением.

Очевидно, что допустимы только такие неправдоподобные реконструкции, которые не согласуются с какими-либо частными, жесткими, плохо изученными или недостоверно описанными закономерностями, но не с подлинными закономерностями Языка и языков, т.е. не противоречащие общему принципу типологического правдоподобия.

Поскольку реконструкция основана на фактах, сведения о которых по природе своей неполны, то и объяснение реконструированных фактов не может быть более обоснованным, чем объяснение непосредственно наблюдаемых или исчерпывающе документированных фактов. Этот вывод представляет собой конкретизацию общего положения о неполноте исторического объяснения [Философск. энцикл., 1, с. 442] применительно к диахроническим исследованиям. В принципе же реконструкция является тем более надежной и корректной, чем на большее количество надежных сведений из корпуса экспланаторных данных она опирается, что прямо следует из (3).

Само собой напрашивается вывод о предельно совершенной реконструкции: она должна представлять „звучащую“ модель исторического факта конкретного языка, с помощью которой можно будет „имитировать“ по крайней мере отдельные праформы; эта модель явится своего рода „роботом“, воссозданным на основании максимально полной и корректной типологической информации.

Как уже говорилось, методологические основы типизации фактов истории языка и фактов живых языков в теоретическом языкознании не рассматривались. Считается само собой разумеющимся, что справедливыми являются утверждения типа „одно и то же изменение $t > d$ произошло в языках L_1, L_2, L_3 “, хотя совершенно ясно, что в каждом из этих языков t, d в чем-то различны между собой (позицией изменения, качеством звуков, их фонологическим статусом, не говоря уже о территории и времени осуществления, диахронических связях и проч.). К числу еще более самоочевидных утверждений отно-

сятся констатации фактов синхронного типологического сходства, когда утверждается, что одно и то же явление наблюдается в нескольких живых языках.

Но для того, чтобы утверждать, что в нескольких языках произошло одно и то же изменение, напр., $t > d$, необходимо располагать описанием этих звуков, своего рода эталонными представлениями о них, которые позволили бы произвести отождествление или типизацию t , d (L_1)= t , d (L_2)= t , d (L_3). Если же языки L_1 , L_2 , L_3 относятся к числу неза свидетельствованных, то откуда такие сведения?

Очевидно, они составлены на основании исследования непосредственно наблюдаемых явлений, какими могут быть родной язык исследователя или описания живых языков, хорошо известных ему. Допустим, таким языком — источником первичных знаний о t и d является язык L_1 . После отождествления t , d (L_1) с t , d (L_2) и t , d (L_1) с t , d (L_3) приходим к выводу, что t , d (L_2)= t , d (L_3).

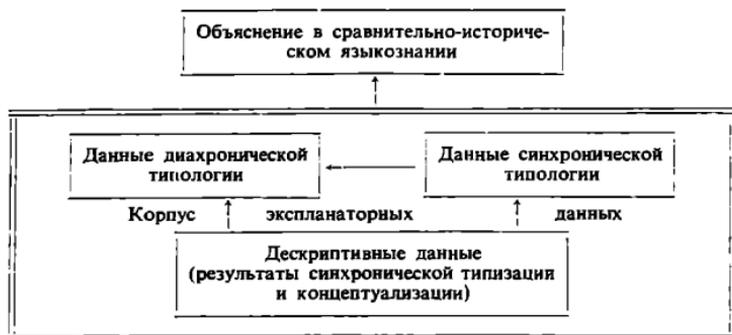
Механизм данного анализа со всей наглядностью вскрывается в случае необходимости описать фонетическую сущность $t > d$. Утверждение о том, что ею является озвончение, основывается на следующем:

- использовании сведений об артикуляционно-акустических характеристиках t , d , которые можно получить только путем прямого наблюдения;
- осознании того, что это незначительно различающиеся между собой звуки и изменение $t > d$ поэтому является „естественным“;
- сведениях о случаях позиционных чередований t и d в живых языках, подтверждающих „естественность“ предполагаемого изменения $t > d$.

Точно так же типологическое сопоставление синхронных фактов предполагает выявление основания для сравнения, т.е. четкое описание того, что сравнивается. Особенно это касается случаев, когда сопоставляются не просто отдельные факты, а некоторые явления, имеющие внешне разную реализацию. Так, t , k , p , d , g , b — просто разные звуки, но они различаются, как показывают исследования, одним и тем же признаком. Это позволяет, во-первых, объединить t , k , p в один подкласс звуков, а d , g , b — в другой; во-вторых, утверждать, что t и d , k и g , p и b различаются между собой одинаковым образом.

Теперь, наблюдая в одном и том же или разных языках переходы $t > d$, $k > g$, $p > b$, мы заключаем, что все эти изменения представляют собой один и тот же процесс озвончения. Таким образом, типизация синхронических данных осуществляется путем обобщения (концептуализации) наблюдаемых фактов, а типизация диахронических переходов основана на данных синхронной типизации, и объективность ее зависит от глубины синхронических обобщений.

Содержание и объем типологических сведений о данном явлении также зависит от его синхронической теории. Напр., то или иное понимание механизма редукции гласных приводит к различным типологическим обобщениям о степени распространенности этого явления и его связях с иными явлениями [Czekman, 1975]. В общем, внутренняя структура корпуса экспланаторных данных, с учетом способов их получения и использования в сравнительно-историческом исследовании, представляется следующей:

Зависимость качества корпуса экспланаторных фактов от степени адекватности теории явления можно показать на следующем примере.

В работе Д. Н. С. Бхата „Общее исследование палатализации“ принята попытка систематизировать результаты „палатализации“ в более чем 120 языках мира. В европейской лингвистической традиции начало типологическому изучению процессов смягчения согласных было положено работами Шляйхера [Schleicher, 1848]. В начале XX в. О. Брок четко описал разницу между двумя типами мягких согласных — палатальными и палатализованными [Брок, 1910, с. 25]. Это открытие получило дальнейшее развитие в работах Трубецкого и Якобсона [обзор литературы вопроса см.: Чекман, 1970, с. 7–16]. К настоящему времени артикуляционные и акустические характеристики палатальных (\acute{C}) и палатализованных согласных (C'), а также их фонологический статус исследованы довольно основательно [Чекман, 1979, 44–54]. Б. Каллеман, исходя из различий между \acute{C} и C' , предложил различать процесс палатации ($\acute{C} > C'$) и палатализации ($C > C'$) [Calleman, 1950, S. 50].

Не учитывая этих работ, Бхат толкует процесс палатализации как тройное в артикуляционном смысле явление — продвижение языка вперед (*tongue-fronting*), повышение артикуляции (*tongue-raising*) и спирантизация. На этом основании собственно палатализацией он считает переходы типа $t > c$, s ; $d > \delta$, z ; $d > \delta$, \acute{z} и под. Но очевидно, что перечисленные рефлексы смягченных

-согласных являются уже следствиями депалатации или депалатализации. Таким образом, неверное истолкование сущности процесса смягчения не позволяет Бхату построить содержательную типологию этого явления.

Бхат все-таки приходит к необходимости различать два различных способа, которыми палатализация отражается на согласных. Она может: 1) модифицировать основную артикуляцию и 2) добавлять вторичную палатальную артикуляцию к согласному, оставляя основную артикуляцию неизменной [Bhat, 1978, p. 67]. Однако не зная принципов фонологической интерпретации мягких согласных, он констатирует только, что между указанными типами „палатализованных“ „трудно провести резкие различия“ [там же]. В результате исследование, выполненное указанным автором, оказывается бессодержательным в типологическом отношении, не может быть использовано для построения типологии диахронических переходов и весь корпус фактов о „палатализации“, собранный им, лишен экспланаторной способности.

Природа диахронического объяснения широко обсуждается теоретиками науки [Постовалова, 1978, с. 120–172; Степанов, 1980, с. 90–117]. Что касается проблем, затронутых нами, то нетрудно привести множество высказываний и замечаний отдельных авторов, которые можно трактовать как частные следствия из положений, проанализированных в нашей статье [Anderson, 1973, p. 11; Anttila, 1972, p. 3]. Чаще всего эти высказывания представляют собой практические рекомендации, теоретические основания которых принимаются имплицитно. Мы стремились показать, что данный вопрос является частью более общей проблемы соотношения синхронии и диахронии [Общее языкознание, 1973, с. 107–119].

В заключение отметим, что диахронист не обязан приводить в явном виде весь тот типологический аппарат, который был им использован при построении конкретной реконструкции, однако он должен отчетливо понимать, что, во-первых, корректность ее прямо зависит от этих данных, а, во-вторых, его реконструкция будет оцениваться другими лингвистами также на основании известных им типологических данных. Таким образом, четкое понимание теоретических оснований диахронических построений и зависимости степени их адекватности от качества и количества типологических данных является чрезвычайно важным для теории и практики сравнительно-исторических исследований.

THE TYPOLOGICAL FOUNDATIONS OF EXPLANATION IN COMPARATIVE LINGUISTICS

V. СЕКМАН

Summary

This article shows that every step of reconstruction is basically an explanation of some aspects of historical events, and the observational phenomena of languages (living and dead) are used as a corpus of explanatory facts. It is revealed that the reconstructed strata must have all the prop-

erties of language (the general principle of typological verisimilitude), and the results of reconstruction are to be verified typologically in every step (the particular principle of typological verisimilitude).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов, 1980 — Иванов Вяч. Вс. Праязыки как объекты описания в издании „Языки мира“. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980, с. 181—207.
- Кондаков, 1975 — Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1975.
- Кумахов, 1973 — Кумахов М. А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. — ВЯ, 1973, 6, с. 54—67.
- Мейен, 1980 — Мейен С. Мудрость науки и загадка жизни. — Знание—сила, 1980, № 12, с. 26—28.
- Общее языкознание, 1970 — Общее языкознание (формы существования, функции, история языка). — М.: Наука, 1970.
- Постовалова, 1978 — Постовалова В. И. Историческая фонология и ее основания. — М.: Наука, 1978.
- Семереньи, 1980 — Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. — М.: Прогресс, 1980.
- Степанов, 1980 — Степанов Ю. С. Исторические законы и исторические объяснения. — В кн.: Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980, с. 90—118.
- Философск. энцикл. — Философская энциклопедия. — М.: Сов. энциклопедия, 1960—1970, т. 1—5.
- Чэкман, 1979 — Чэкман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. — Минск: Наука и техника, 1979.
- Чэкман, 1970 — Чэкман В. М. Гісторыя праціпастаўленняў па цвёрдасці-мяккасці ў беларускай мове. — Минск: Наука и техника, 1970.
- Якобсон, 1963 — Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3, с. 95—105.
- Andersen, 1973 — Andersen J. M. Structural Aspects of Language. — London: Longman Group Ltd., 1973.
- Anttila, 1972 — Anttila R. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. — N.-Y. — London: Macmillan Publishing Co. Inc., etc., 1972.
- Calleman, 1950 — Calleman B. Zu den Haupttendenzen der urslawischen und altrussischen Lautenentwicklung. — Uppsala: Almqvist, 1950.
- Caws, 1965 — Caws S. The Philosophy of Science. — Princeton, New Jersey: D. van Nostrand, 1965.
- Chomsky, Halle, 1968 — Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. — N.-Y.: Harper and Row, 1968.
- Czekman, 1975 — Czekman W. Akanje. Istota zjawiska i jego pochodzenie. — Slavia Orientalis, 1975, t. 24, N 3, s. 283—305.
- Hall, 1950 — Hall R. A. The Reconstruction of Proto-Romance. — Language, 1950, vol. 26, N 1, p. 6—27.
- Nater, 1979 — Nater H. F. Bella Coola Phonology. — Lingua, 1979, vol. 49, N 2—3, p. 169—181.
- Polomé, 1965 — Polomé E. The laryngeal theory so far: A critical bibliographical survey. — In: Evidence for Laryngeals. The Hague, 1965, p. 33—44.